

Борис АЛМАЗОВ

ИТАЛЬЯНСКАЯ ФАМИЛИЯ

Судьбоносная встреча

То, что я не забыл этот случай, не удивительно. Это была самая первая награда в моей жизни. Я все помню до мельчайших подробностей, словно это произошло вчера, а ведь было мне тогда всего пять лет.

Мы жили на Ржевке — сорок лет назад это была отдаленная и грязная окраина Ленинграда. С одной стороны нашего четырехэтажного дома — самого высокого дома в округе — тянулся глухой забор военного городка. С другой — были химические заводы, которые выпускали такой вонючий и ядовитый дым, что не только гулять во дворе не хотелось, но даже в нашей огромной коммуналке, где и без того запахов хватало, дышать было нечем.

«Он погибает без воздуха! Он погибает!» — говорила мама моей бабушке. Я не считал, что погибаю, но с удовольствием смотрел, как бабушка надевает панамку, кладет в сумочку два бутерброда и берет старый зонтик с костяной ручкой. Это означало, что мы с ней на целый день отправляемся в замечательные места — в Таврический сад, в Летний сад или совсем за тридевять земель, в ЦПКиО!

В парках я копался со сверстниками в песочнице, бегал по аллеям, а бабушка, сидя на скамеечке, беседовала с такими же старушками в панамках, матерчатых туфлях, длинных юбках и теплых кофточках.

Иногда мы ходили в молочную столовую, где ели простоквашу из пузатеньких баночек. Она мне нравилась, но я стыдился, что бабушка всегда заворачивала недоеденную мною вафлю или коржик в салфетку и брала с собой «на потом».

Но больше всего мы любили слушать военные духовые оркестры, что по праздникам и в воскресные дни играли в раковинах открытых эстрад на Елагином острове. У бабушки в маленькой записной книжечке была выписана программа этих бесплатных концертов на весь месяц, и мы старались не пропустить ни одного. Мы приезжали на трамвае задолго до начала концерта. Усаживались на длинные белые скамейки с литыми боковинами и гнутыми спинками перед разинутой полусферой эстрады. И в предвкушении жадно рассматривали пузатые барабаны, торжественно поблескивающую латунь и серебро духовых инструментов, которые музыканты извлекали из строгих черных футляров. Оркестранты в отутюженных военных мундирах ходили по сцене, двигали пюпитры, перелистывали ноты, негромко переговаривались, иногда пробовали проиграть какую-то фразу из еще не родившейся музыки...

Наконец выходил деловитый подтянутый капельмейстер, и скамейки вспыхивали короткими аплодисментами. Парой чаек взмывали над оркестром его руки в белых перчатках, и сердце мое замирало от восторга. При звуках вальса бабушка чуть заметно покачивала в такт головой, и было легко представить ее молодой красавицей в огромной шляпе с вуалью или совсем юной гимназисткой, кружащейся на серебряных «снегурках» по льду катка. Когда играли марш «Прощание славянки», бабушка плакала, вытирая слезы кружевным платочком. Папа, дядя и дедушка под этот марш уходили на фронт и не вернулись...

Мне очень нравились военные марши. Особенно «Памяти “Варяга”»! Такая музыка рождала во мне твердую уверенность, что я вырасту, непременно стану сильным и смелым, как герои «Варяга», и смогу защитить всех! А мама и бабушка будут мною гордиться!

Когда играли «Сказки венского леса» Штрауса, мне чудились волшебные рощи с кружевной листвой старых деревьев, пугливые олени с добрыми глазами, кони с лебедиными шеями и стаи прекрасных белых птиц, плывущих над осенними полями в голубой вышине. Я воображал чудесные озера с прозрачной водой, гнущийся под ветром камыш, вековые сосны на морском берегу... Все, чего я никогда не видел, только слышал про это по радио да знал по картинкам в книжках.

Как мне хотелось попасть в тот волшебный мир! Музыка на время переносила меня в страну, которая длинно и притягательно называлась «Когда я вырасту большой!»

И вот однажды, когда мы торопились с бабушкой на концерт оркестра Балтийского флота и очень беспокоились, чтобы наше удовольствие не сорвал собиравшийся дождик, у эстрады встретили огромную толпу пионеров. На сцене, вместо обожаемых мною моряков и сверкающих инструментов, стоял накрытый красной скатертью стол. За ним сидели какие-то тетеньки, а с краю — единственный дяденька. Он был одет в странную куртку из какой-то непромокаемой ткани и пупырчатую кепку.

Дядька сидел нахохлившись, засунув руки глубоко в карманы коричневых брюк с большими отворотами и покачивая закинутой на ногу ногой в крепком ботинке с круглым носом. Мужчина заметно скучал, глядя куда-то вдаль поверх голов бесновавшихся пионеров. Кажется, он даже что-то насвистывал, сложив длинные губы трубочкой под щеточкой усов.

Тетенька в черном костюме и пионерском галстуке что-то суматошно выкрикивала сорванным голосом. В ответ пионеры с воем вздымали руки, трясли ими в нетерпении, вскакивали с мест, топотали ногами... Гвалт стоял ужасный!

Бабушка, крепко держа меня за руку, подошла к эстраде, чтобы спросить, будет ли концерт. Так я оказался совсем близко от дяденьки в кепке. Сверкая шляпками гвоздей на подошве, его ботинок качался чуть ли не у меня над головой.

Дядька иронично взглянул на меня, как на муравья, с высоты, вдруг надулся и надулся. Я понял, что он дразнится: была у меня такая привычка смотреть исподлобья. Так, чтобы не видела бабушка, я показал ему язык. Человек развеселился. Его круглые, чуть отвислые щеки поехали в стороны, и он мне подмигнул. Подмигивать я умел и не замедлил с ответом. Чтобы произвести впечатление, я скосил глаза к носу и отчаянно надул щеки. Дяденька вытащил руки из карманов и показал, как он восхищен моим искусством. Я загордился!

В этот момент тетенька в красном галстуке повернулась к нам и, поблескивая очками, прокричала:

— А теперь назовите три произведения советских писателей о животных!

При этом она выразительно посмотрела на дяденьку, с которым я перемигивался. Пионеры взвыли. Я подумал и тоже поднял руку.

— Думаем! Думаем хорошенько! — подавала азарта тетенька.

— А вот тут товарищ что-то хочет сказать! — кивнул на меня дяденька.

— Он не первый, не первый руку поднял! — заорали пионеры. — Так нечестно!

В нашем дворе было много таких мальчишек. Они не принимали меня в свои игры, дразнили, а при случае колотили! И вот теперь такие же безжалостные ребята не дают мне показать этому хорошему человеку, что я не лыком шит, тоже знаю много книжек, в том числе про животных!

— Уступим товарищу! — поднял руку дяденька и встал. — Уступим! Он же маленький!

— Я не маленький! — выкрикнул я. — Мне уже пять лет!

Бабушка смеялась и дергала меня за руку.

— Извини, солидный возраст, — ухмыльнулся дяденька. — Так что ты хотел сказать?

Пионеры притихли.

— Я знаю три произведения советских авторов: про золотую рыбку, про золотого петушка и «Сверчок»!

— Неправильно! — заорали пионеры.

Бабушка, смеясь, пыталась меня увести.

— Нет, позвольте, — сказал дяденька, грузно опускаясь на краю сцены на корточки. — Кто сказал, что золотая рыбка не животное?! Дайте товарищу договорить. А кто про золотую рыбку написал и про золотого петушка, знаешь?

— Знаю! Пушкин. Александр Сергеевич! Его убили на дуэли из пистолета.

— Неправильно! — бесились пионеры. — Он при царе жил! Неправильно!

— Ну и что, что при царе, — сказал я. — Такие хорошие стихи!

— Вот именно! — поддержал меня дяденька. — Совершенно советские стихи!

— А про сверчка я вообще наизусть знаю! — взбодрился я.

— Замечательно! — Дяденька легко наклонился ко мне и вытянул меня на сцену. — Ух ты! Вес петуха-подростка! Читай!

— «Папа работал! Шуметь запрещал!
Вдруг под диваном сверчок затрещал!...»

— Замечательно! — похвалил дяденька и первым захопал в ладоши, когда я громко дочитал стихотворение до конца. — Просто Качалов! Просто «Дай, Джим, на счастье лапу...». Тоже, кстати, про животных! Нет, тут нужна первая премия! За художественное чтение и за патриотическое мировоззрение! Знание литературы само собой!

Он стал рыться на столе, где лежали всякие книги.

— Вот беда! Ни одной моей не осталось! Знал бы, из дома прихватил! Эти тебе не по возрасту... «Овод» рановато! Без этого шедевра, — сказал он, откладывая что-то в сторону, — ты будешь жить гораздо счастливее и много дольше... Так!

Он растерянно шарил по столу. Тетеньки, как могли, помогали ему, тоже сутились. Пионеры орали, а я смиренно ждал премию. Я не знал, что это такое!

— А как ты сюда попал? — спросил дяденька, чтобы я не стоял истуканом.

— Мы с бабушкой пришли слушать военный оркестр.

— Ах, военный!

Человек хлопнул себя по лбу. Он сунул руку в карман своей необыкновенной куртки, состоящей из одних карманов, и вытащил оттуда маленькую книжечку в бумажной обложке.

— Вот! — протянул он книжицу мне. — «Рассказы о Суворове». Знаешь, кто такой Суворов?

— Знает, знает! — торопливо подсказала бабушка. Она крепко держала меня за щиколотки.

— Знаю! — согласился я. — Это великий русский полководец.

— Замечательно! Вот тебе книга про великого русского полководца Александра Суворова из библиотеки журнала «Советский воин». Ты советский воин?

— Да! — охотно подтвердил я. — Я — советский воин!

— Поздравляю тебя, советский воин, с первой премией! Ты замечательно отвечал на вопросы литературной викторины! Расти большим и счастливым!

— Вы подпишете? — сунулась к нему тетенька с авторучкой.

— Я же не Суворов, — заупрямился дяденька. — Как я за него буду подписывать? Еще раз поздравляю! — Тут моя рука утонула в его теплой ладони. — Поаплодируем товарищу!

Я возвращался со сцены под барабанный грохот аплодисментов, провожаемый завистливыми взглядами пионеров.

— Кто это? — спросила бабушка дежурного пионера, показывая глазами на дяденьку, подарившего мне книжку.

— Ха! — сказал высокомерно пионер с красной повязкой на рукаве. — Это же Виталий Бианки!

— Интересно! — прокомментировала бабушка. — Какая фамилия итальянская!

Чувствовалось, что фамилия ей ничего не говорит.

Почему я не начал писать в школе

Буквально на следующий день мы отправились в библиотеку и взяли почитать целую пачку книг Виталия Валентиновича. Он обрушился на меня всей мощью своего писательского таланта. В нашей тесной комнатухе зашумели леса, закурились туманами болота, раскинулись снега полярных зим, засновали куницы и белки, засвистели крылья диких гусей. Огромный мир живой неповторимой природы раскрыл передо мною свои милосердные объятия. Птицы, звери и даже рыбы заговорили со мной. В их речах сквозь интонации силы, понимания и доброты зазвучал голос самого Бианки.

Бабушка полагала, что, если научить меня грамоте до школы, мне будет скучно на уроках и я стану лениться. Поэтому мне оставалось только умучивать бабушку до полубморочного состояния, заставляя в сотый раз перечитывать «Нечаянные встречи», или «Мышонка Пика», или «Лесные были и небылицы». Я стал прилежным слушателем «Вестей из леса» по радио, потому что это тоже

был Бианки. День, в который я безошибочно отличил следы собаки от следов кошки на первом снегу, стал днем моего торжества и уверенности в собственных силах.

Когда я наконец пошел в школу и научился читать и писать, решил стать писателем Бианки. Я сэкономил денег на четыре тетрадки. Каждую из них, в подражание «Лесной газете», озаглавил «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима» и старательно вывел целую строчку, разумеется о жизни в донской казачьей станице, куда мы ездили летом: «Наша станица стоит на высокой горе». На этом силы закончились, и я побежал показывать работу бабушке.

— Замечательно! — похвалила она. — Ни одной кляксы и даже ни одной буквы не пропустил. Молодец! Только наша станица не на высокой горе, а в балочке, в затишке от ветров...

И я ужаснулся тому, что написал неправду! Я обманул читателей!..

Наверно, поэтому мое «писательство» тогда дальше первой строчки не пошло. Мне вдруг открылась главная истина: прежде чем начать писать, нужно прожить большую жизнь, многое увидеть, запомнить. Причем увидеть так, как не видел никто до тебя. Нужно многому научиться, многое обдумать, постигнуть и только тогда браться за перо.

В моей литературной деятельности наступил длительный перерыв. Больше двух десятков лет я учился, работал, овладевая самыми разными профессиями в самых разных местах страны, и не вспоминал, что когда-то собирался стать «Виталием Бианки». Только взрослым человеком решился сесть за рукопись, твердо зная, что если этого не скажу я, то не скажет никто.

Я никогда не был учеником Бианки, и с того памятного случая в детстве с ним никогда не пересекался. Но мне нравились его книги, стало быть, он меня учил. Может быть, поэтому первая моя книга была посвящена самым прекрасным животным — лошадям!

Сегодня, оглядываясь на прошлое, я могу утверждать: книги Бианки стали моим первым букварем в мире прозы. Человек не учится у букваря всю жизнь, но для него это первая и самая главная книга. Кто знает, как бы сложилась моя судьба, не повстречай я в раннем детстве веселого доброго человека в странной куртке и пупырчатой кепке с теплыми и добрыми руками...

История Виталия Бианки

Вопреки «итальянскому» звучанию фамилии Бианки, к Италии предки Виталия Валентиновича отношение имели весьма отдаленное. Род Бианки появился в России в начале XIX века. Одна ветвь рода имела швейцарские корни, другая — немецкие. Прадед Виталия был известным оперным певцом. Перед турне по Италии, по рекомендации своего импресарио, он поменял немецкую фамилию Вайс (нем. weiß — белый) на Бианки (итал. bianco тоже означает «белый»).

Мамой Виталия Бианки была Клара Эмма Матильда (в девичестве Бланк). В России ее называли Кларой Андреевной. Дед писателя со стороны матери Иоганн Бланк содержал гостиницу в Петербурге и ресторан в Берлине.

Отец Виталия Бианки Валентин Львович закончил Медико-хирургическую академию. В 1885 году он уехал в Тверскую губернию, где служил земским врачом. Однако все свободное время посвящал изучению природы, в частности

птиц. Его научные работы были оценены по достоинству, и Валентину Львовичу предложили стать ассистентом кафедры зоологии и сравнительной анатомии в Военно-медицинской академии. В 1887-м он получил должность ученого хранителя в энтомологическом отделении Зоологического музея. Позже Валентин Бианки стал заведующим орнитологическим отделением Зоологического музея. Его избрали действительным членом Петроградского общества естествоиспытателей и Русского энтомологического общества, почетным членом Германского орнитологического общества. Он был секретарем Полярной комиссии и участвовал в различных экспедициях. Например, в камчатской экспедиции исследовал окрестности Петропавловска-Камчатского, долину реки Камчатки от Усть-Камчатска до Козыревска и подножие Ключевского вулкана.

Валентин Львович даже свой дом превратил в подобие зоопарка. Почти в каждой комнате находились клетки с птицами, коробки для ящериц и черепах, террариумы со змеями. Как-то полгода у них на даче жил лосенок.

Увлечение отца дикой природой оказало сильное влияние на детей. Виталий был более других увлечен лесом и охотой, а гимназическими науками и посещениями занятий интересовался постольку поскольку. Гимназический курс юный Виталий Бианки окончил в 21 год и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета.

Учиться в вузе ему выпало недолго. Шел 1915 год. Российская интеллигенция жила в предчувствии «невиданных мятежей» и революционных перемен. Сын своей эпохи студент Бианки стал членом боевой дружины эсеров.

В начале второго курса обучения он не то был призван, не то добровольно пошел в армию. Так молодой человек оказался в артиллерийском училище, после окончания которого в звании прапорщика был направлен на службу в Царское Село, в запасную тяжелую артиллерийскую бригаду.

В обязанности военных входила в том числе охрана Александровского дворца, где располагалась царская резиденция. Время от времени Виталию Бианки даже удавалось перекинуться несколькими словами с царевнами. Но вскоре его батарея была переведена на Волгу, и начались странствия. Как вспоминал сам Бианки: «Я уехал из Петрограда в начале 1918-го и отсутствовал четыре года. Побывал на Волге, на Урале, в Омске, в Томске, пересек Казахстан от Аральского моря через степи до Атбасара, Кокчетавы и Петропавловска, затем долго жил в Бийске, а летом ездил в горный Алтай».

В конспективном изложении звучит элегично. На самом деле по всей России полыхала Гражданская война, которая крутила в своем кровавом водовороте и Бианки.

В Бийске весной 1919-го его мобилизовали в армию Колчака. Он скрыл свое офицерское звание и служил рядовым писарем в парке полевого артиллерийского дивизиона в Барнауле. Когда летом 1919 года часть была перебросена на фронт в Оренбургскую губернию, его посчитали подозрительным и перевели в пехоту. После того как он и еще несколько сослуживцев дезертировали из колчаковской армии, Бианки решил сменить фамилию. Он перевел ее на русский язык и несколько лет был Беляниным. Двойная фамилия Бианки-Белянин осталась в его паспорте навсегда.

В Бийске в 1921 году его в первый раз арестовали. Правда, вскоре выпустили. Потом последовал новый арест. Продержали в тюрьме три недели. Когда в сентябре 1922 года он узнал о готовящемся третьем аресте, то решил

не искушать судьбу. Вместе с женой и маленькой дочерью уехал из Бийска в Петроград.

Жить Бианки в Петрограде было негде и не на что. Отец Бианки умер в 1920 году. Помог старший брат Лев. Он устроил Виталия в Саблино на загородной экскурсионной базе университета. Виталий Валентинович поставил крест на научной карьере и перебивался случайными заработками, пописывая статьи и рассказы в журналы.

Бианки чувствовал недостаток образования и страстно желал учиться. В студии детских писателей при библиотеке детской литературы Педагогического института он познакомился с Самуилом Маршаком. По признанию Бианки, «положа руку на сердце: испытываю к Маршаку такое же чувство благодарности, как к своему учителю чистописания в приготовительном классе гимназии».

В 1923 году в журнале «Воробей» был опубликован первый детский рассказ Бианки «Путешествие красноголового воробья». А вскоре в издательстве «Радуга» вышла его первая книжка рассказов «Чей нос лучше?».

Летом 1924 года Бианки начал вести в том же журнале раздел о природе «Лесная газета». Из него выросла одноименная главная книга Бианки, которую он собирал и переделывал всю жизнь.

Он поступил в Институт истории искусств, находившийся напротив западных дверей Исаакиевского собора в семейном доме Зубовых. Но завершить обучение не удалось: в 1925 году его арестовали по обвинению в участии в подпольной организации и сослали на три года в Уральск. Только в 1928 году Бианки вернулся в Ленинград. Это произошло благодаря ходатайству Максима Горького, дружившего с всемогущим тогда руководителем ОГПУ Генрихом Ягодой.

Повести и рассказы Виталия Бианки были в 1930-х годах очень популярны. Однако популярность не спасла писателя от очередного ареста. В ноябре 1932 года он был арестован, но вскоре освобожден «за отсутствием улик». Следующий арест пришелся на март 1935 года. Бианки было объявлено, что он как «сын личного дворянина, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти» приговаривается к высылке на пять лет в Актюбинскую область. Лишь благодаря заступничеству жены Максима Горького Екатерины Пешковой приговор отменили.

С 1921 по 1935 год Виталий Бианки арестовывался шесть раз. Какова была жизнь под постоянным страхом ареста, высылки и расстрела? Как тут не сойти с ума? В конце концов все завершилось благополучно, но аресты и ссылки здоровье не укрепляют. В то время возникли хронические болезни, преследовавшие писателя всю оставшуюся жизнь.

Во время Отечественной войны Виталий Бианки из-за болезни сердца был признан негодным к воинской службе. Удалось эвакуироваться в Пермь (тогда город Молотов). После войны сначала оказался в Москве, но потом вернулся в Ленинград.

В последние годы жизни писатель тяжело болел. В 1949 году он перенес инфаркт, затем два инсульта. Почти не мог ходить из-за сильных болей в ногах. Скончался 10 июня 1959 года.

Бианки написал около трехсот произведений для детей. Общий тираж его книг на сегодняшний день составляет сорок миллионов экземпляров.

Были и небыли

Удивительное дело, но Бианки (не только Виталий Валентинович) сопровождали меня всю жизнь. Больше с того раза я В. В. Бианки не видел — писатель умер в 1959 году, — но я слушал его выступления по радио, читал его книги и книги о нем... Однако были и иные, как в названии книги Виталия Валентиновича, «нечаянные встречи».

В студенческие годы я познакомился и, несмотря на разницу в возрасте более четырех десятков лет, подружился с ленинградским художником Минеем Ильичом Куксом. Он иллюстрировал произведения В. В. Бианки и был с ним хорошо знаком.

Их первая встреча состоялась, когда Миней Ильич принес писателю показать свои рисунки. Кукса рекомендовали Виталию Валентиновичу как художника, графика-анималиста. Издатели руководствовались тем, что Кукс — сибиряк, знаток природы и охоты, много рисовал животных.

Бианки тогда болел и попросил рисунки оставить, чтобы он их мог рассмотреть. Когда Кукс пришел во второй раз, то увидел свои рисунки, развешанные по стенам.

— А я по вашим рисункам рассказ сочинил, — приветствовал его Виталий Валентинович.

Так родилась книжка «Егоркины заботы» и установились приятельские отношения между иллюстратором и писателем.

Вспоминая Бианки, Миней Ильич рассказал мне малоизвестную «лесную быль». Виталий Валентинович чрезвычайно крепко выпивал. Что только не предпринимали родные и близкие, чтобы избавить его от пагубной страсти, ничего не помогало. Основоположник нового направления в детской литературе, знаменитый создатель «Лесной газеты» и сотен прекрасных произведений о природе ежедневно бывал «выпивши». Это не могло не сказываться на его больном сердце и усугубляло прочие хронические заболевания. Наконец Виталия Валентиновича вывезли в один из живописнейших уединенных уголков Ленинградской области, бесспорным достоинством которого, кроме свежего воздуха и чарующей природы, была значительная удаленность от магазинов, торгующих водкой.

Целую неделю Бианки томился, тосковал и был не способен ничего на трезвую голову написать. Затем все разительным образом переменялось. Писатель-натуралист стал совершать ежедневные прогулки по окрестным лесам, и прекрасное расположение духа к нему вернулось. Однако родственники с ужасом заметили, что Бианки отправляется на прогулку трезвым, а возвращается из объятий девственной природы сильно навеселе, если не сказать больше.

Эти прогулки происходили перед обедом и длились не более часа. Ближайший магазин, где было можно разжиться бутылкой, находился в десяти километрах. Самогонки никто из поселян не гнал. Тем не менее под пленительную сень деревьев натуралист удалялся тверезым, а возвращался пьянехоньким. Стали возникать многообразные версии, объясняющие лесное чудо, среди коих мистические отвергли сразу. Две оставшиеся существовали довольно долго, хотя обе хромали и страдали натяжками.

Первая предполагала, что знаток природы обнаружил в природе нечто, успешно заменившее алкоголь. Версия входила в противоречие с тем, что подобное лесное чудо было неизвестно другим знатокам местного леса. Никаких

сообщений об «алкогольном корне» или ином заменяющем спиртное растении летописи до нас не донесли. Тем не менее от Бианки по возвращении с лесных прогулок разило дешевой фабричной водкой.

Вторая версия была не менее чудесной. Предполагалось, что знаменитый следопыт надбыбал в лесу забытую немцами или партизанами бочку со спиртом. Эта версия опровергалась тем, что в окрестных лесах немцы не шастали, а весь спирт, ежели он и бывал в здешних местах, партизаны употребили бы еще в период военных действий. Самым главным аргументом, сокрушающим изящную версию с бочкой, являлось убеждение, что знаменитый создатель «Лесных былей и небылиц», а также «Приключений мышонка Пика» в этом случае оставался бы у нее до тех пор, пока емкость не опустела.

Больше месяца загадка природы будоражило воображение жителей и литературной общественности, а разгадка лежала буквально рядом. К Виталию Валентиновичу в место его пребывания в Ленинградской области, в Лебяжье, приехал Миней Ильич Кукс, иллюстрировавший очередную книгу Бианки. Виталий Валентинович перед обедом увлек художника-иллюстратора в лес на прогулку, предусмотрительно захватив с собой два соленых огурца. Не отошли они от жилья и полкилометра, как писатель остановился у дерева, сунул руку в дупло и извлек оттуда нераспечатанную бутылку водки и стакан.

Водка была употреблена, пустая тара возвращена в дупло, а в стакан положены деньги на следующую выпивку с учетом премиальных, которые оставлял себе местный почтальон. Он курсировал на велосипеде между населенными пунктами района, а заодно подрабатывал для писателя спиртоношей. Вышло почти как с фразой из знаменитого школьного сочинения: «Дубровский имел сношения с Машей через дупло».

Ленинград и эстетика

Санкт-Петербург во времена Бианки и в пору моей молодости Ленинград — город удивительный. При всей его величине и многолюдности здесь все всех знают и если не знакомы, то «пересекались». Например, Институт истории искусств (Исаакиевская площадь, 5) в 1962 году был объединен с Театральным институтом, в те годы именовавшимся Ленинградским институтом театра музыки и кинематографии (Моховая, 34). Мой театроведческий факультет разместился именно на Исаакиевской, 5. Глядя тогда на колонны Исаакия, вид на которые заполнял собой все огромные окна, я и не подозревал, что точно так же смотрел на них за сорок лет до меня Виталий Валентинович Бианки.

Вскоре произошло другое судьбоносное для меня «пересечение». В июле 1968 года я окончил вечернее отделение театроведческого факультета, защитил диплом и, как предполагал, стал безработным. По диплому я должен был стать, например, заведующим литературной частью театра, но театров мало, а выпускников много.

Однако, памятуя пословицу «Была бы шея — хомут найдется», не огорчался. За шесть лет студенчества на вечернем отделении я перепробовал столько работ, что был уверен — без куса хлеба не останусь. Иное дело, что по советским законам меня, безработного, могли счесть тунеядцем. Как Иосифа Бродского.

Однако мой ангел-хранитель — учительница литературы и писатель Инна Владимировна Прусакова узнала, что в средней школе, где работает ее знакомая,

директриса мечтает завести новый предмет — эстетику, поскольку жаждет славы.

— Ты сможешь обеспечить ей славу?

— Абизательна!

Не знаю, какой смысл вкладывала моя начальница в понятие «эстетика», но когда я принялся в старших классах декламировать то, что знал из институтского курса, то скоро понял: ни о какой «эстетике» в школе в академическом понимании речи быть не может. Для того чтобы пускаться в философские рассуждения в этой области, нужна подготовленная аудитория. То есть публика, знакомая с произведениями искусства, музыкой, театром, литературой. Ничего этого у несчастных детей, отчаянно размышляющих на тему «Откуда эта эстетика взялась и на что она нам сдалась?», нет. Поэтому, не рискуя стать персонажем фрески «Франциск Ассизский, проповедующий птицам»¹, я сообразил начать вспашку тяжелой нивы просвещения с другого конца. То есть, «владея всей культурой человечества в целом» (что подтверждалось дипломом с правом все это преподавать!), придумал программу подготовки детей к последовательному знакомству с искусством. В учениках до четвертого класса включительно по два учебных часа в неделю я пробуждал любовь к культуре и воспитывал то, чего нет в учебном плане, — ассоциативное мышление, без коего восприятие искусства невозможно. Вместо скучного «пересказа по картинке» мы играли импровизированные пьесы, рисовали, слушали музыку, пели, размышляли и рассуждали, обсуждая прочитанное, и даже сочиняли стихи. В ответ мне понимающе улыбался Бианки. Результаты не заставили себя ждать:

«Бедный ты, мышонок Пик, —
Все тебя обижают!
Хоть ты ростом невелик,
Я тебя люблю и очень уважаю!»
Витя Буров, 1 «А», 1969 г.

«Тихо падает снег. Я гляжу в окошко.
По двору тянется след — это бежала кошка.
Кошка быстро бежала домой,
Потому что кошкам холодно зимой!»
Вера Лященко, 2 «А», 1970 г.

Во всем этом виноват В. В. Бианки! Его рассказы, пробужденные им чувства в детях! Главное — никаких конкурсов! Никакого лидерства и распределения результатов, никакого первого места! Нарисовал картинку — молодец! Сочинил стихотворение — прекрасно! Все творцы, все гении! Каждый старается в меру своих сил и таланта — честь ему и хвала! Сами, между собой, в разговорах после урока решат, чья картинка «красивее» и какое стихотворение «складнее». Поощрения, хотя бы слово похвалы, доставались всем. Никто не был забыт и обойден. Нелюбимых детей нет! Дураков тоже нет! Есть больные или запущенные, но это хотя бы отчасти поправимо.

Для школьников с пятого по седьмой класс (ознакомительно, но не поверхностно) я вел историю русского искусства: живопись, ваяние, зодчество,

¹ Фреска на входной стене верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи, 1297—1300 гг., работы Джотто ди Бондоне (1266—1337).

музыка и искусство. Занятия шли параллельно с уроками литературы, рисования и пения.

В 8–10-х классах был введен предмет «мировое искусство». Вот тут (после семи лет обучения) очень осторожно, чтобы не отбить интерес, можно порассуждать в том числе и об эстетике...

Детей я люблю. Это главное качество учителя. Если его нет, человек либо сбежит, либо с ума сойдет. Я чувствовал, что нахожусь на своем месте. Потому проработал школьным, хотя и не совсем обычным, учителем без малого 20 лет.

Дважды в неделю шел с ребяташками в Русский музей или Эрмитаж, добывал автобус и возил их в Новгород, Выборг, Псков и Пушкинские Горы... А однажды в жуткие морозы поперлись со старшеклассниками в поход в Подпорожье — изучать деревянное зодчество.

Мне нравилась такая жизнь. Однако директриса, принимая меня на работу, щуря глаза бывшей красавицы и покачивая прической «консервная банка в гнезде», многозначительно предупредила: «У нас не простые дети! У нас дети из кооперативных домов!»

С детьми все было в порядке. Дети как дети! А вот директриса, побывавшая у меня на первом уроке и заявившая покровительственно: «Очень эмоционально!» — через полугодие уже говорила с раздражением: «Вы, с этой вашей *естетикой*, висите надо мною как *Домоклаев меч!*»

Мне нравилось «висеть» в школе даже как «Домоклаев меч». К ребятам я привязался, да и они ко мне. Чтобы не вылететь «под панфары», нужно было добывать славу, о которой мечтала моя начальница.

Славу так славу! Я разработал соответствующую учебную программу (уж не помню, как она тогда называлась) и, как молодой, инициативный и перспективный, поехал в Москву, где утвердил эксперимент в Министерстве образования СССР. Сходил в педагогический институт, заручился поддержкой доцентов и профессоров. Об этой инициативе начали писать в газетах, и, обретшая славу как покровительница талантливой молодежи, директриса была вынуждена меня терпеть. Кроме того, поскольку я обеспечил себе пиар (я уже потом выучил это слово), в других школах района меня ждали с распростертыми объятиями. Потому я жил, служил и не тужил... Однако перестал вмещаться в уроки и внеклассные занятия.

В ходе преподавания новых предметов ребяташкам нравилось не только слушать и отвечать заданное на дом, но и рассуждать. Не об искусстве или школьных предметах... О вечном: о жизни, счастье, о том, как жить и каким быть. С детьми ведь не принято разговаривать по-взрослому. Сюсюкают, ругают либо поучают, думая, что воспитывают...

И я начал писать веселые статьи в замечательную ленинградскую детскую газету «Ленинские искры». Опыт работы в многотиражке у меня имелся, и журналистским ремеслом я владел. Мои статьи стали публиковаться чуть ли не в каждом номере, объединяясь в циклы «Что такое хорошо», «Ежели Вы вежливы» и другие...

В ответ на них стали пачками приходиться от детей письма, где говорилось, что ребяташки мои «фельетоны» ждут, читают и, что меня повергло в изумление, даже ставят по ним школьные спектакли! Я радовался.

А при чем тут Бианки? При том, что возглавляла газету «Ленинские искры» и приложение к ней — замечательный журнал «Искорка» — Валентина

Львовна Бианки! Не знаю степени ее родства с Виталием Валентиновичем, но она происходила именно из этого потрясающего клана петербургско-ленинградской интеллигенции!

Ленинградские дамы, Бианки и «Ленинские искры»

К шестидесятым годам прошлого века уже умерло революционно-партийное обращение «товарищ», но еще не нахлынуло бездушное гендерное обращение «мужчина» или «женщина»: «Мужчина, не дышите пивом». Или в переполненном трамвае: «Женщина, отодвинься кое-как — мне под вами не разогнуться». Это не питерское, это откуда-то из, мягко скажем, одесских дворов... В Ленинграде господствовало застрявшее с дореволюционных времен обращение «дама».

— Дама! Получите кило картошки.

— Дама! Уберите за вашей собакой. Всю парадную (подъезд — это московское) загадили.

Такое обращение исключительно точно подходило к ленинградкам, безотносительно к возрасту и социальному положению. В Ленинграде особенно прекрасно выглядели шляпки всех фасонов. Традиция их ношения, возрождаясь в наше безумное время, сразу выделяет даму из бесполой татуированной толпы «молодежи и подростков», как их некогда именовал «дорогой Никита Сергеевич» (Хрущев).

Не нужно думать, что дама есть нечто кисейное, немощное и безвольное. Пышущие здоровьем спортсменки после тренировок переодевались в приличную для Питера одежду (пусть самую непритязательную, из того, что предлагала фабрика массового пошива «Большевичка») и волшебным образом преображались в ленинградских дам. Это ведь не столько стиль в одежде, сколько поведение, женственная пластика, воспитанность и чувство собственного достоинства.

Валентина Львовна Бианки наглядно являла собою образ ленинградской дамы. Красивая, монументальная, улыбчиво-доброжелательная. Это не исключало при необходимости резкости — в границах, которые может себе позволить воспитанный человек. Она была человеком прямым и бескомпромиссным. Не терпела лодырей и дураков. В порыве гнева могла и накричать.

Твердой рукой, профессионально и умело руководила она «Ленинскими искрами», что было непросто. Основанная в 1924 году первая детская газета, распространявшаяся по всему Советскому Союзу, включала в себя целый мир методически обоснованного детского воспитания, которое не ограничивалось выпуском периодического печатного издания. Среди журналистов Санкт-Петербурга до сих пор в ходу шутка: русская литература вышла из гоголевской «Шинели», а питерская журналистика — из «Ленинских искр». При газете действовал старейший в Ленинграде, основанный в 1920-х годах кружок юных поэтов.

Газета с помощью президента Академии наук СССР А. П. Карпинского еще в 1930 году стала зачинателем предметных школьных олимпиад. Так называемое Всесоюзное тимуровское движение, «Красные следопыты» и многие другие проекты по воспитанию юных советских граждан — инициатива «Ленинских искр».

В 1932 году читатели «Ленинских искр» собрали средства на строительство самолета. Позднее имя газеты было присвоено трактору (1970) и океанскому сухогрузу (1974), на которые юные читатели газеты собирали металлолом.

Умелой рукой Валентины Львовны обязательная пионерско-барабанная идеологическая часть была строго дозирована, а литературно-художественная и научно-просветительская весьма продуманна и высочайшего качества!

В разное время среди авторов газеты отметились писатели и поэты Аркадий Гайдар, Максим Горький, Александр Куприн, Михаил Зощенко, Лев Кассиль, Борис Житков, Корней Чуковский, Сергей Михалков, Виталий Бианки, Ольга Берггольц, Самуил Маршак, Леонид Пантелеев, Вадим Шефнер и др. Своими впечатлениями на ее страницах делился известный дрессировщик Владимир Дуров. Знаменитый биолог Николай Иванович Вавилов публиковал в «Ленинских искрах» статьи о своих путешествиях по всему миру.

В редакции газеты на встречах с «деткорами» из самых разных уголков СССР побывали фактически все знаменитости тех лет. Например, Юрий Сенкевич — сразу после путешествия на «Ра», космонавты Алексей Леонов и Георгий Гречко. По заданию газеты я брал интервью у полярника Алексея Федоровича Трешникова и корабелов атомохода «Арктика»...

В СССР считалось, что каждый пионер должен выписывать пионерскую газету, комсомольцы, соответственно, «Комсомольскую правду» (в Ленинграде еще местную «Смену»), коммунисты, разумеется, «Правду», а беспартийные и члены профсоюзов — «Труд» и «Известия».

В Ленинграде пионеры, в том числе и я в пионерском возрасте, выписывали «Ленинские искры» не по обязанности — газета была очень интересной. Особенно читателям нравились печатавшиеся в ней повести с продолжением: Н. Внукова про индейцев «Слушайте песню орлиных перьев», Джанни Родари «Путешествие Голубой стрелы» и многие другие... В среду и субботу в доме на нашей лестнице хлопали двери — ребятишки заглядывали в почтовые ящики на дверях, ждали газету!

Разумеется, такая «планета», как «Ленинские искры», не могла существовать усилиями одного человека. Замечательный коллектив редакции работал как сплоченный экипаж корабля. Каждый член этой команды достоин отдельного рассказа. Ответственным секретарем служил Вольт Николаевич Сулов. Он был настоящим «детский человек» и легко овладевал вниманием любой детской или студенческой аудитории. «Молодая смена» уже через пятнадцать минут после начала мероприятия под его дирижированием хохотала, пела и плясала. В роли гнома-волшебника газеты работал Н. И. Садовый, он же «капитан Врунгель». Благодаря его таланту, мастерству и усердию четвертая полоса газеты расцветала чертежами самоделок, загадками, шарадами, ребусами, занимательными историями...

В узкой длинной комнате работали художники Шабанов, Ясинский и др. Тут же, по ходу верстки газеты, рисовали тончайшие (перо-тушь) иллюстрации, веселые рисунки и карикатуры.

Сравнительно большим и традиционно женским по составу был отдел пионерской работы и писем. Письма приходили ежедневно мешками и на каждое отвечали...

Каких-то «корпоративов» и прочих посиделок не припомню. Может, они и были. Но я приносил свои статьи и очерки редактору «Искорки» Юре Аршинникову и раз в месяц встраивался в небольшую очередь в кассу за гонораром.

«Путевка» в журналисты и писатели

В кабинете Валентины Львовны Бианки я не был ни разу. Она перехватывала меня в коридоре, брала за руку своими мягкими ладонями, с нескрываемым удовольствием смотрела в глаза, улыбалась... и молчала! Я не знал, куда деваться! Выпростать руку из ее дружеского рукопожатия было как-то неловко, о чем говорить — неизвестно, а стоять намертво «заякоренным» — неудобно. Возникла большая и тяжелая, как рельс, пауза. Наконец Валентина Львовна произносила:

— Боречка... Позвольте мне вас так называть. — Опять пауза. — Мне очень нравится все, что вы делаете. — Пауза, взгляд глаза в глаза. — Вы очень талантливый человек! — Пауза.

— Спасибо, — бормотал я, понимая, что руку из рукопожатия не добыть.

— Боречка! Вы ведь не в Союзе журналистов? Почему?

— В Союз принимают только тех, кто в штате.

— Это в вашем случае ошибка! Надо исправлять! Идите к Зиночке (секретарю), она поможет вам составить заявление и отнесет его в Союз.

Союз журналистов — объединение творческое. Став его членом, в случае потери работы я не буду считаться тунеядцем, и мои литературные опусы получат некое административное «окормление». Но я не верил, что заявлению дадут ход. Говорили, что для вступления требуется проработать в штате печатного издания три года... Такого стажа у меня не было.

К моему удивлению, месяца через два меня вызвали в «Домжур» на Невском. Я сидел в приемной перед актовым залом и размышлял, что, чем бы проходившее за закрытыми дверями заседание ни закончилось, спустись на первый этаж в ресторан и замечательно пообедаю. Это отчасти скрасит отказ...

Однако, когда двери зала распахнулись, оттуда в негустой толпе вышла Валентина Львовна и протянула мне руку: «Поздравляю. Единогласно!» В ответ на мое благодарное лепетание она процитировала четверостишие «К истории» (1965) советского поэта и переводчика Льва Озерова:

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами!..

Этому полученному мной завету я следую всю жизнь.

Присутствовавшая на том собрании секретарь Валентины Львовны рассказывала, что, когда стопка заявлений отвергнутых кандидатов, в основном так называемых рабкоров, значительно выросла, взгляд председательствующего задержался на моем листочке.

— Вот, товарищи, «Ленинские искры» рекомендуют принять Б. А. Алмазова. Он учитель... Но он же не в штате?

— А публикуется больше, чем штатники! — перебила его Валентина Львовна.

— Ну и сколько у него публикаций?

— Двести! — Председатель так и сел, а Валентина Львовна продолжила контрольным выстрелом в лоб: — В год!

Так мой карман стало согревать толстенное, в кожаной обложке, удостоверение Союза журналистов. Оно придало мне уверенности в себе. До сего

дня с гордостью пишу во всех анкетах: «Член Союза журналистов СССР с 1974 г.».

Откровенно говоря, удостоверение не пригодилось мне ни разу. Однажды я его постирал в стиральной машине, в другой раз его украли вместе с пиджаком... Пришлось заменять.

Как-то в командировке в местном райкоме партии собрались читать «закрытое письмо ЦК». Я было «наострил лыжи» на выход.

— Ну как же?! — прихватил меня за рукав секретарь райкома. — Не уходите.

— Но я беспартийный!

— Ну и что! Вы журналист и наш гость...

На советских чиновников журналистское «членство» действовало, как дудка факира на кобру. Откуда они про него узнавали? Я никогда свой членский билет не демонстрировал. Наверное, побаивались. Вдруг чего не то напишет. При советской власти любое упоминание в прессе могло отозваться по-разному, как в песне «Шумел, горел пожар московский...»:

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда...

Примерно через год я вновь попался в коридоре Валентине Львовне. Она опять ласковой, но мертвой хваткой взяла меня за руку.

— Боречка, это ничего, что я вас так называю? — Пауза. — Боречка, а ведь вы умнее тех замечательных статей, что нам пишете! — Пауза (интересно, это комплимент или упрек?). — Боречка, напишите нам повесть с продолжением. Для детей. Все равно о чем, но интересно. Я знаю, у вас получится...

По молодости свои очерки, статьи и рассказы я сначала «вышагивал», после чего садился и записывал. Как правило, без особенной правки. И в этом случае, отшагав по улицам и переулкам Ленинграда несколько десятков километров, я «наваял» свою первую повесть «Самый красивый конь». Удивительно, но она остается самой известной из моих на сегодняшний день 86 книг. До сих пор, по прошествии почти 60 лет, ее нет-нет да переиздадут или переведут.

А ведь заказ на повесть, которая изменила всю мою жизнь, я получил от Валентины Львовны. Человека с судьбоносной для меня фамилией Бианки. С ее легкой руки я официально стал журналистом, а затем плавно, без малейших собственных усилий, вступил в Союз писателей СССР. Это было пределом мечтаний многих пишущих современников и официально утвердило меня в писателях. Согласитесь, у А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и даже Л. Н. Толстого такого удостоверения не было. Они действовали, строго говоря, в ранге «самодельных авторов»... Но это уже совсем другая история.

